

И. Прычков

Николай Спруйский
ЕРОТОИДЫ

АНАКРЕОНТИЧЕСКИЕ
ОДЫ

Москва
Издательство "Прометей"
МГПИ им. В.И. Ленина
1990

ББК 84 ЗР7
С 75

Спонсор издания –
литературно-художественное агентство "ТОЗА"

Составление, текстологическая подготовка и предисловие
Александра Морозова

На обложке: Ф. Рокотов. Портреты А.П. и Н.Е. Струйских.
1772. Государственная Третьяковская галерея.

С $\frac{4702010202}{183/2/-90}$ Без объявл.

ISBN 5-7042-0102-5-X

© Составление, предисловие. Александр Григорьевич Морозов. 1990.

ИЗ ТЬМЫ БЫЛОГО

И случилось же так, что в самый разгар московских коронационных торжеств Государыни императрицы Екатерины Алексеевны пропала у некоего генерала драгоценная табакерка аметистовая. То ли в городской толчее, то ли в придворной сутолоке обронил ее нерасторопный свитский, а ведь хранились у него в той табакерке заветные перстни: опаловый, с желтым алмазом, а еще – из лазурных камешков сделанный наподобие голубого цветка... О пропаже сообщено было в газете "Московские ведомости" с присовокуплением обещания: "кто об оных вещах или хоть об одной известие принесет, тому двадцать пять рублей в награждение дано будет".

Вряд ли отыскалась тогда та табакерка аметистовая, но объявление то вспоминается мне всякий раз, когда заходит речь об утратах из сокровищницы русской культуры. И видится пустынное место неподалеку от узловой железнодорожной станции Рузаевка, где прежде на отлогом берегу реки Инсары величаво возвышался каменный дом-дворец, возведенный по рисункам знаменитого Растрелли. От большой проезжей дороги вела ко дворцу дубовая аллея,

*Литой решетчатый забор
Каймил его широкий двор,
Шумел прохладой сад столетний...*

В саду были глубокие проточные пруды и замысловатый кустарниковый лабиринт. Сквозь заросли сирени виднелось парадное белокаменное крыльцо. По его широким ступеням можно было взойти в просторный зал, где стояла мебель красного дерева с бронзовой отделкой на ножках и подлокотниках кресел, обитых малиновым штофом. Над ними в золоченых рамках висели портреты...

Теперь от рузаевского дворца не осталось и камня на камне. Лишь кое-где по огородам попадаются там в земле старинные кирпичи да растет у обмелевшего пруда сирень. Подобно табакерке аметистовой сгнуло во тьме былого творение великого зодчего. Но сохранились портреты обитателей дворца – Александры Петровны и Николая Еремеевича Струйских.

*Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва закутана в атлас,
С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас?*

*Ее глаза – как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Ее глаза – как два обмана,
Покрытых мглою неудач.*

*Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полуйсуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мук...*

Такой увидел и воспел Александру Петровну поэт Николай Заболоцкий. Рокотовский портрет ее мужа в темнозеленом камзоле с белым шелковым жабо преисполнен беспокойства: фигура повернута вправо, голова слегка влево, бледное лицо окаймлено темными завитками, мерцающие тени, сгущаясь под бровями, придают его карим глазам болезненный блеск, а губы – словно бы и неуловимы в трепетной улыбке.

Николай Еремеевич Струйский /1749–1796/. О том, что был когда-то в Рос-

сии такой поэт, не упоминается в современных пособиях по истории отечественной литературы. Его имя оказалось преданным забвению еще в прошлом веке, когда даже известный наш историк В.О. Ключевский назвал поэта Никитой Ермаловичем. А между тем, "он был по врожденному вкусу стихотворец, любил сильно поэзию, и казалось, живет только для наслаждения ею. Многое бы можно было рассказать о нем истинно чудесного..."

Таково свидетельство современника поэта, его собрата по перу И.М. Долгорукова, который, будучи пензенским вице-губернатором, возжелал однажды узнать Николая Еремеевича "как человека необыкновенного" и нашел его именно таким.

"Дом его в деревне, – писал он, – был высок и огромен; в нем, на самом верху, он отвел себе кабинет и называл его Парнасом. Там он предавался своим вдохновениям пиитическим. Он имел у себя собственную свою вольную типографию и в ней отпечатывал все свои сочинения. Тиснение его доведено было до наилучшего в то время в России искусства. Он подносил императрице разные свои труды, и она изволила красотой издания хватать даже пред чужестранными посланниками, дабы они видели, что и за 1000 верст от столицы, в глуши, под скипетром ее процветают искусства и художества, а ему неоднократно, для вящего одобрения посылывала перстни бриллиантовые в подарок..."

"Перстень" – так называлось первое произведение Струйского, изданное в его типографии. Оно до сих пор не разыскано, а быть может, и вовсе утрачено. Поэт издавал свои книги не для продажи и в таком количестве, что уже в начале прошлого века рузаевские издания расценивались библиофилами "как редкость, которую нельзя купить".

"Многие услышат от меня в первый раз, – писал в 1827 году в журнале "Московский телеграф" поэт и журналист П.А. Вяземский, – что есть книга сочинений Николая Струйского, напечатанная в 1790 году с отменною роскошью типографскою, прекрасным шрифтом, на хорошей бумаге, с затейливыми виньетками... Чем стихи эти не стихи? Можно даже доказать, что тут есть очевидные приметы романтизма; оспаривать народность этих стихов невозможно – они крепостные русские; местных красот, кажется, также довольно, оригинальность их не подложная. Признаюсь, они для меня и трогательны. Я охотно желал бы узнать, где лежит поместье Рузаевка, и поклониться памяти поэта... Много еще хотелось бы мне поговорить о моем неизвестном поэте и, право же, есть, что сказать..."

Многое и теперь можно было бы рассказать о жизни Н.Е. Струйского, но обратимся к его поэме "Еротоиды". Впервые, по прошествии двух столетий, переиздается ныне этот совершенно забытый памятник русской любовной лирики. Заглавие поэмы восходит к названию книги любовных элегий римского поэта Овидия "Amores". Но там, где у Овидия разыгрываются эротические баталлии, у Струйского слышны лишь отзвуки любовного поединка. Его влюбленным героям неведом чувственный эротизм героев-любовников Овидия. Поэма, по сути дела, представляет собой объяснение поэта в любви к той, которая повсюду в стихах его звалась Сапфирой, а в жизни подарила мужу восемнадцатилетнюю дочь и дочерей, из коих четверо были близнецами и десять умерло в младенчестве.

Страницы поэмы пестрят именами персонажей античных мифов и легенд. Думается, что современные читатели знают их не хуже россиян конца XVIII столетия. Орфография и пунктуация поэмы приведены в соответствие с нынешними нормами правописания. Но многие слова, отражающие особенности московского поэтического говора, оставлены такими, каковы они были во времена Николая Еремеевича. Наподобие лазурных камешков того перстня, который похож был на голубой цветок, мерцают они теперь в сокровищнице русской поэзии.

ЕРОТОИДЫ

*Ерот в мой век меня любил,
Еротом жизнь мою прельщаю,
Ерот в мой век меня любил,
Ерот мне в грудь стрелами бил;
Я пламень сей тобой, Сапфира, ощущаю!*

I.

Не ставь себе в досаду,
Коль стал тобой сей страстный
К несчастью вздыхати.
Его твой взор вздыхати
Неволей побуждает.
Кто так тобой вздыхает,
Имеет сердце нежно,
Чувствительно имеет.
Кто так здесь вздыхает,
Он жизнь свою тем тратит.
Я сам тобой вздыхаю!
И жизнь тобой всю трачу.
Взор зреть мой ты не сможет,
Не зреть тебя не в силах, —
Подобно как Егидом
Твой взор мя убивает,
Подобясь искрам Феба
Опять мя оживляет.
Вини меня, коль можешь
Безвинно ты винити,
Но прежде осмотрися,
Кого винити должно?
Почто ты столь прекрасна!
Почто, быв столь прекрасной,
Спознать себя не хочешь,
Любовь ты отметаешь?
Почто, родясь прелестной,
И прелесть отметаешь?
Конечно отметаешь,
Когда любви не знаешь!
А знать ее достойна.
Ты будешь вздыхати,
Но тех зараз не будет,
Которые Киприда
И грации нежные

Лишь в младость помещают,
Под коей ты звездою,
Под синим коим небом
На свет ты здесь родилась!
Прельщать ты свет родилась?
Разить ты всех стрелами
Еротом наученна?
Кого ж винить в том должно,
Коль всех твои заразы
Неволей привлекают.

2.

Не можешь оправдаться.
Тебе Ерот мной пени
В минуту изрекает.
Лук сильно тетивою
Моими днесь руками
Младенец напрягает.
Ты ль можешь с ним сражаться?
Сражайся лишь со мною.
К нему не поддайся.
Ах, меткой он рукою
Мое во мне он сердце
Вторично уж пронзает.
Я зрел в нем горьки стрелы,
Которыми сражаем
Был бог и муз всех царь!
Касались прежде груди
Пресветла Аполлона?
Пеней ли твой родитель?
Ты можешь ли, как Дафна,
Блистав здесь красотою,
Сокрыться скорым бегом
Меня, к тебе, столь страстна?
Хоть ты меня не любишь,
Но я тобой сгораю.
Что ты меня не любишь,
Того поднесь не знаю.
Но я не Аполлон здесь.
Его нося слез рану,
Я муз его служитель!
Увы, прескромным бегом
Не Дафну постигаю
Следами и вздыханьем —
Тебя, берегов сих нимфу,

Лишь с лирой умоляю:
Не умерщвляй старанья!
Когда себя ты любишь,
Коль мя не ненавидишь,
Вмести в твоём их сердце
Навеки сокровенно.
Когда ж и ненавидишь,
Не растравляй страданья,
Но слыша тяжки вздохи,
Смягчи их лестным словом.

3.

Кто может быть столь дерзок,
Ругаться чтоб собою,
Имея чистый разум
И здраво рассужденье?
Кто может быть столь дерзок,
Ругаться б над судьбою
Тех милых человеков,
Которые любят
Натурой одаренны,
А нежно так вздыхати
Венерой подкрепленны?
Кто может быть так дерзок,
Ругаться чтоб собою
И тех в нас лучших смертных
Приязни отметати,
Которые собою
Чрез действие любви
Другим дают здесь цены,
Красам дают здесь виды,
Их прелести венчая,
К бессмертью их возводят?
Бессмертья и достойны,
Коль разумом взнесенны!
А ты им здесь взнесенна
Природу украшаешь,
Чтоб сих дражайших смертных
Приязни отметати,
Которые средь миртов
Рождати сладки гласы
Ератой изученны?..
Всегда ль к любви склоняют,
Когда кого здесь хвалят?
Престань, Ерот, днесь стрелы

Во Емпирей бросати,
Когда здесь к славе можешь
Земных богов сражати!
Ужель все быстры стрелы
Ерота истожились?
Ужель Ерота стрелы
Навек здесь притупились?
Иль сил тех не имеют,
Земных богинь разити?..
Весь свет Еротом блещет,
Алкает и трепещет,
Любовь чтоб одолети.
Что б краше сей победы?..
Но властны ль те и сами,
Которы к нам вещают,
Любовь чтоб презирати?
Пенять за что не знают
И тщетно все вещают.

4.

Не могут быть не злобны,
Коль став толико дерзки,
Любовь в нас презирают,
Ерота презирают!
С коликим духа рвеньем,
Со грубостью коликой
Тоя и сами алчут?..
Но чтоб их возлюбляти,
Конечно недостойно!
Вкусить любви не могут.
А если и вкушают,
Владея красотами,
Не иначе как кентавры!
А им в любви и служат,
Еще и страстно служат
В минуты уреченны...
Увы, которы дышут
В грудь грубым дыхновеньем,
И те нектар вкушают!
С железным сердцем твердым
Едва вздохати знают.

Любовь, приди... крылами?
 Явись в сей час весь в розах!
 К цветущей пышной розе,
 К цветущей здесь красую
 Твоим к подобной розе.
 Пред коей днесь на лире
 Я в честь тебя играю.
 Красу сию столь нежну
 Достойно звать мне розой?
 Красой сей овладети
 Никто в свой век не может.
 Лишь я ей овладею!
 Тобой лишь овладею.
 О, бог любви сладчайшей,
 Предстань днесь без колчана,
 Без лука и без страха.
 Не так, как прежде было,
 Моей внимая лире,
 Являл ты путь к Сапфире,
 Взлетал к ней на колени.
 Твои золотые стрелы
 Мне больше здесь не нужны.
 Едины лишь улыбки
 Твои угодны ныне.
 Доволен?.. уже знает,
 Как я поднесь вздыхаю!
 Как я по ней вздыхаю!
 Доволен!.. если слышит,
 Как я поднесь страдаю,
 Как я по ней стоною.
 Однако... быть опасну:
 Вложи едину стрелу
 Из роз в сплетенну броню,
 В ту, в кою обрядила
 Тебя дражайша Псиша!
 Се розы, сколь прекрасны
 Се розы, как связала
 Ее рука прелестна!
 Вложи прескромно стрелу
 И саму злу, острейшу.
 А лук скрой за плечами.
 Еще б пробить в той сердце,
 Котору обожаю.
 В ее стрелить чтоб сердце,
 Чтоб внедрити успешно

Сию преостру стрелу
Во грудь ее крепчайшу,
В ту грудь ее прелестну,
Котора зрится тверже
Блестяща адаманта!..
Чтоб прочь не отскользнула,
Потребна осторожность.

6.

Тобой я днесь восторжен,
О, нимфа дарагая,
Пою пред сильным богом!
А твой, Ерата, голос
Я ей усугубляю.
Пронзен кто сладким богом,
Пронзен его стрелами,
Вкусил его кто сладость,
То тот лишь может знати,
Что я теперь вещаю.
Другой того не знает
И знать сего не может,
Имея душу грубу.
Тот только может знати,
Вкушал его кто пламень,
Который в нас стушити
Лишь равный жар возможет,
Любви палящи пламень!
Дражайшая Сапфира,
Хоть тщился б кто скривати,
Ввек в скромности дражайшей
Не может оставаться.
Хоть кровь бы раз в ком встлилась,
Не может не вспылати!
А если б сей, вспылая,
Внутри огонь смог заключиться,
То б мог им, истлевая,
Сей страстный умерети б!
Прекрасная б от вздохов,
Стыдящаясь открыться,
Безмолствуя б как Ехо,
Стеня б, вся истощилась.
Как роза б жарким зноем,
Полудним жгушим ветром
Завяв, красот лишилась...
Пресчастлив тот, кто вскроет

Судьбы своей личину!
Дражайшей бы презренья
Вовеки не страшиться.
Но в ком такое смельство
Из нежных душ быть может?
Прелестную б обидеть,
Себя б тем уничтожить.
Прелестну бы ту обидеть,
Котору чтит душою,
Ту, кою чтит и любит
Своей и жизни паче!
И коей лишь желает,
Чтоб сей предмет дражайший,
Быв смертна, лучшей частью б
В сей жизни обладала.
Чтоб быв в красах прелестной,
Меж звезд луной взблистала!
 Довольно к услажденью
И то в любви страстным,
Когда от них примают
Все их ласканья нежны,
За кои ожидают
Пускай наград прелестных.
Старанья, угожденья,
Которы грудь вздымают!
Когда и их внимают,
Хотя б не отвечали,
Но зря пыланье страсти,
Коль то не отвергают,
Довольно б к услажденью.
Но время все возможет!
Надежде не внимая,
Прекрасную б обидеть
И все чтоб вмиг разрушить,
И вечно бы лишиться
Ее приятств дражайших,
Ее красот бесценных,
То б сердцу в страсти нежну
Горчай то было б смерти.

7.

Когда сама уж видит,
Когда сама уж знает,
Как он пред ней томится,
Как он, пред ней вздыхая,

Отчаен истлевает,
Ее прелестным пламенем
В ее сетях скровенных
Подобно льну сгораем,
В цепях ее палится!
Сколь крат был действием жара
К отраде ее вспаляем
И сколь был током хлада
К мученью погашаем!..

К чему стремленье служит
В любви открываться,
Коль кто в очах драгия
Не жалок становится?
Коль жалости не знает,
Коль зрится в лютом действе
В очах к нему любезна?
Коль зрится вдруг подобной,
Подобясь в том Протею?
Коль сил играет видом,
Вид в вид перелагаясь?
И знаки, в коих льстила,
Маня в любви драгова,
Которы, ах, дарила
С улыбками драгими,
С улыбками другими
Обратно отбирает?
Которы, ах, дарила
Во вздохах и в стенаньи...
Дражайшей осязанья,
Влачив пред тем всю душу,
Внезапно коль скратились,
Коль все дары столь страстны
Лукавством преломленны.
И если он в ней видит
Приемы все столь люты
Превратного ласканья,
Все те приемы странны,
Которы в них нередко
Гордыня лишь внушает, —
Помедлит открываться.

8.

Любовник огорченный
В своей несчастной страсти,
Хоть в ней не утешаем,

Дражайшей он покорен,
Затем что предан вечно
И ею изменяем.
Увы, доколь скрывает
Внутрь жил свой жаркий пламень
Злосчастный оный смертный,
Злосчастных всех на свете
Конечно превосходит!
Всегда он так вздыхает,
Равно и нежно мыслит:
"Довольно по отмщенью,
"Он мнит, моей дражайшей!
"Колико б ни втопился
"В ее прелестно блато,
"Дышаще ароматом,
"Усеянно цветами, —
"Не рвать цветов прелестных!
"Хоть был бы вновь ласкаем, —
"Венка не соплетать с ней!..
Но тщетно размышляет.
Дражайшим быв он смертным,
Злой смерти уж алкает!
И страстью отвлеченный
В себе рассудка здрава,
Считая жизнь несносной,
Коль видит, что играем
Не гордостью — единой
Красой его палящей, —
Подобно как разливом
Взнесена в ров вдруг рыба,
Оставлена волною,
На суше издыхает,
А воды в путь отливом
Обратным отступают, —
Так сей любезный смертный
Красавицей надменной
В раскрыту бездны пропасть
Влекомый приступает.
Нисходит вдруг по воле,
Иль лучше поневоле,
В ту страшную долину,
Где тени обитают.
И Летию он реку
С кинжалом иль отравой,
Иль с вервию преходит.

С тем Летию преходит,
 Лишил себя чем жизни!
 Доколь еще к ней идет,
 Любезную в глазах он,
 Он и тогда мечтает.
 И сон таков ужасен!
 Дражайшей чтоб рукою
 Ввестись в жилище к смерти!
 Бесценной той рукою,
 Котору обожает...
 Но статья ль то не может?
 Истнить себя всяк может,
 Примеров зрим довольно.
 Злосчастный, ах, помысли,
 Злосчастный, ты не с светом,
 С любезной рассташься!
 Любезная смягчится,
 Для ней ты жить останься?
 Но поздно... умирает...
 И в смерти будет мыслить
 За то самоубивство,
 Вот так он будет мыслить:
 "Хоть к Тартару б ужасну
 "Когда б она хотела
 "Хоть вздох один послати,
 "Он чае, долетел бы
 "И был бы в облегченье...
 Но что б сей вздох послати
 К живому воспрещало?
 И больше б было можно,
 Когда любви кто стоит,
 Послать чего к драгому!
 Увы, коль зрим достойный
 Предмет, кой нас сражает,
 Предмет коль стоит сердца
 По чувствам человека,
 Какой мы можем силой
 Зараз тех глаз лишиться,
 Которы вдруг в нас душу
 И ум весь в нас сражают,
 В которой некой силой,
 Еротом потаенной,
 Влиясь, вдруг лестный пламень
 Мгновенно в грудь к нам входит
 И кровь, и мозг, и кости,

И все вдруг затлевет...
Нет сил таких на свете,
Любви чтоб противляться!
Нет трав, ни соков нет,
Которы б грудь целили,
Которы б грусть морили!
Лишь тот нас огонь возможен
Целить и облегчати,
И выше смертных части
Посем нас возносить уж,
Который, нас сжигая,
Живет в грудях прелестных!
В груди моей прекрасной,
Котору обожаю.
И разум чистых действий,
Всесильный подкрепителъ,
Всесильный царь состава,
Которым всем он правит,
И самый разум здравый,
Кто б что ни говорили,
Любви кормилом служит!

10.

Напротив, хоть богиня б,
Иль равной став богиням,
Цвела б хоть красотою
Подобною Цитеры,
Хоть гордостью б надменна
С своим прекрасным станом
Гордилась как Юнона,
Иль мудростью б взнесенна,
Подобно став Минерве,—
И та любви заразов
Не сможет отметати,
Не смеет отметати!
Против Ерота зная
Кто может постояти?
И нет тех средств возможных,
Любви чтоб противляться...
Диянной хоть дышала б,
Юпитера всесильна
С Латоной порожденьем.
Не тщетно повествуют,
Что не было на свете
Сея нетленней девы,

И чистоты богиней
Достоинo нареченна!
И нарещись так может
Сия нетленна дева!
Став чистоты подобьем,
В толиком зрилась свете,
Что нимфы, кои зрелись
При тех водах прозрачных.
Служив ей при потоках,
В которых омывалась
Сия чистейша дева,
Воззреть на обнаженну
Не смели, не зардевшись!
Тем чтя ее стыдливость
И непорочность девства.
В стыдливости той меньше
Они, быть может, сами
И меньше сокрывались,
А дочь сия Латоны
И нимф своих безвинных
Подобно ж устыжалась.
Лицо и грудь богиня
Рукой своей прелестной,
Как с ними забавлялась,
Нередко закрывала.
В ней и вздыханьев страстных
Не видано от века!
И члены сей богини
Нетленностью дышали.

Любви даров на свете
Никто не презирует.
И смертный, и бессмертный
Всегда равно причастны
Драгому воздыханью.

Любовь, поведай ныне,
В сей час поведай правду
Мной в слух к моей дражайшей,
Какой счастливый смертный
Красу столь горделиву,
Красу столь беспорочну
Кто смог вдруг уловити?
Царей ли грозных племя,
Или богов отродья?
Кому вдруг превручилась
Диянна преддрагая?..

О, сладостны успехи,
О, тайные забавы,

Которых сами боги
И люди не гнушались!
Вас втайне нам вкушати,
Вкушать и наслаждаться
Единая лишь дарует
Любезная осторожность!

11.

Скажу, кому вручилась
Диянна предроговая.
Кому вручилась тайно,
Скажу, кто стал сей смертный
Счастливее всех на свете.
То был ты, Эндимион!
Пастух богиней девства
Вдруг сладко расцелован.
Диянна, нимфа стыдящаясь,
В день скромною являлась,
Но в ночь блеснуть луною
На небеса вздымалась.
И шествуя по небу,
Со мрачной колесницы
Возрев на холм Карина,
Зря холм горы Карина,
Где спал ее влюбленный,
Эндимион прекрасный,
Вздыхнув тут вдруг богиня,
Тут в первый раз вздохнула
Диянна драгоценная.
Сокрытой зрясь от смертных,
Где спит ее любезный,
Его б втайне целовати,
Оставя твердь и звезды,
Блеснув во смутном мраке,
Коней своих склоняет,
И плавающая среди ночи,
К нему на грудь нисходит...
Ликуй, Венеры племя,
В нас все тебе покорно!
Но как к злосчастью смертный
Царей породы храбрых,
Род Кадмиев любезный
Сию ж богиню девства,
Гоняясь за зверями
В долине как Гаргафской,

Узрел ее нагую,
Нечаянно нагую
Узрел ее в долине,
Мыющую в истоке,—
То сей несчастный смертный
Вдруг сгиб ее рукою!
За то, что зрел нагую
И тем не похвалился б.
Погиб немилосердно.
Погиб он не стрелами,
Но вдруг единым действием
Воды, его кропящей,
Которою плеснула
Сему в глаза несчастну,
И с словом превратила
В еленя вмиг с рогами.
И собственными псами
Его охоты тщетной,
Для скромности богини
Чтоб тем сдержать ей славу,
Нетленной бы мечтаться,
Чем и поднесь осталась,—
Безвинно оный смертный,
Непознанный от оных,
Растерзанный на части,
Несчастно жизнь кончает...

О, скромность, ты нас в свете
Здесь делаешь святыми!
Нередко ты бываешь
Подругой лицемерью.
А мы, им прикрываясь,
В других отъемлем славу,
Честь, счастье... отъемлем!
И если в ком здесь видим
Отверстыя забавы,
И ону страсть коль видим
В любовниках дражайших,
Из уст в уста дышащу,
Меж двух сердец сплетенну,—
Повсюду и нещадно,
Всеместно и пред всеми
Гордясь, ту осуждаем,
А сами втай, не сыты,
Творя пороки злые,
Возможны б угрызати
И самого Цербера.
И оны укрывая

В забаве столь безвинной,
Друзей въявь порицаем!
Достойно, сын Кипридин,
Их каменем побити?
А стрел твоих не стоят.

12.

Прекрасная коль вверит
Своим втай чувствам нежным
Свое драгое сердце,
То будет с ним судити,
Втай будет с ним судити,
Об нем и с ним судити:
"Какой, скажи, вопросит,
"Какой цены ты стоишь
"Во мне, мое ты сердце,
"Каких даров ты стоишь?...

Подобно так, как лиры
Златые оной струны
От мала ударенья
Пресладким и престоимым
В слух звоном отвечают,—
И сердце так в прекрасной
Подобно отвечает.
Подобно отвечает
Как сердце мне Сапфиры,
В ней втайне отвечает:
"Чего в тебе я стою?
"Бесценной платы стою!
Не тщетно отвечает,
Питая чувство нежно.
И кои к ней им дышут,
И сердцем столь в ней страстным
Весь дух ей напоят!
Прекрасная вздыхает
И кровь ее палится
По сердцу в ней столь нежну,
По чувствам в нем столь сладким!
Собой одною всю цену,
Окроме как с собою,
Окроме лишь как втайне
Нельзя и полагати.

Иль можно нам судити
О прелестях, как мыслят?
Коль тайну ону вверить

Могла в себе единой
Любозная помыслить,
В дражайшей дух так мыслит:
"Мои все прелести... ах,
"И самый ум мне кажет,
"Что с сим вздыханьем страстным
"Во мне томящаясь сердце,
"Конечно, в жизни стоит,
"Чтоб тем... но я не смею,
"Не смею утверждаться!..
Любозная, что мыслишь?
Не тщетно ты вздыхаешь,
Ты стрелу ощущаешь!
И в грудь с словами сими
Лишь глубже помещаешь.
Любозная так мыслит:
"Иль в тайне сей завяну?
"Сама собой им свяну,
"Подобно лилий свяну
"От искры близь пожару.

13.

Колелясь и в смущеньи,
Чего в драгих здесь сердце,
Чего во жизни стоит,
Не смеют утверждати.
Увы, блаженства также
Им, равно как и нам в том,
Конечно, в жизнь не видеть,
Доколь себе подобна
Не найдут сердца нежна.
Хоть раз такое б сердце
Любозное прияти
Во сладостный объятий,
Которое б ценило
Два сердца совокупно!
Себя б тем оценило
И то, которо хочет,
Его чтоб оценило.
К забаве ль сердце склонно,
Иль грубости причастно,—
Коль сладости причастно,
Грубейшего не ищет.
Себе подобна ищет.
Коль нежности подвластно,—
Не скоро в жизни сыщет.

Прекрасная коль видит
 Подобно зараженна
 Того, к себе кем страстна,—
 В минуту искры пламя
 Взмятут ее к драгому!
 Взмятут ее вдруг душу
 Неволей прилепляться.
 И если в нем коль верит,
 Что все к ней страстны вздохи
 Из сердца ею пленна
 Без лести вырывалась,
 Не мнит уже гордиться!

Подобно как магнитом
 Ко Евру или к Весту
 От Севера склоненна
 Игла железа тверда
 Обратнo той же силой,
 Содержанной в магните,
 Вдруг к Северу иль к Ноту
 Внезапно припадает,—
 Так с сердцем соглашенны
 В драгой драгие очи.
 Оставив путь тот хладный,
 Любви чтоб противляться,
 Падут во взор к драгому,
 Влекут всю грудь к драгому!
 Влечется вся к драгому.

Подобно Салмациде
 Желала б в час сей страшный,
 В сей час, пресладкий смертным,
 Бессмертью посвященный,
 Желала б в час сей страстный
 Во всем бы с сей наядой,
 С прекрасной сей наядой
 Во всем бы соравниться!
 И в душу б вдруг, и в тело
 С своим тут чувством сладким
 Желала б вся в драгова
 С душой и телом влиться!

Подобно как павлин вдруг,
 Вдруг хвост свой расширяет
 И перья как златые
 Пред солнцем поправляет,
 Как сотрясает ими,
 Весь движется под теми

И взор его сверкающ
Быть зрится адамантом,—
Росе подобно капли,
Быть мнится, ниспадают
Из глаз его влюбленных
И пена изо уст в нем
Вдруг страстный огонь являет!
Когда он, внутрь сгораем,
Алкает зреть прелестну,
Жар ход в нем направляет!
Найти чтобы любезну,
Он, шествуя под теньми
Среди дерев зеленых,
Хвоста не подбирая,
Лишь опустив на землю,
Главой своей гордяся,
Весь стелится цветами!..
Так точно и к драгому
Любовница бесценна,
Красясь своим убором,
Встает с пристойным вкусом
Любовницы нежнейшей
От места, где сидела,
Скровенными стопами.
Всколеблемая пламенем,
Не мнит уже гордиться!
В подобие павлина
Вкруг стелится драгова,
Касаясь плеч драгова,
Касаясь втай драгому,
Живив его тем душу,
Вещает о любви.

15

Не вдруг в любви вещают,
Что в сердце ощущают.
Тогда лишь то вещают,
Когда всей тайны узел
Меж двух сплетен бывает.
Дотоль же сердце пленно,
Подобно воску яру
Близь угля лежащу,
От мала пепла жару
Топясь, истаевает.

16.

Герои сердце храбро,
 Бесспорно, хоть имеют,
 Цари всю власть имеют,
 Однако ж вдруг не могут
 К дражайшим прикоснуться.
 Имея сердце нежно,
 И чувства кто имеет
 Отличные от бранных,
 Влекутся, но с почтеньем.
 Прекрасную б принудить
 Любви сопротивляться,
 Что может быть строже
 Сея нам казни боле?
 Пускай едины взгляды
 И сладостны вздыханья
 За нас любви просят!
 Они лишь пусть их просят.
 Дражайших очи сами,
 Поборствуя любви,
 К очам достойным жертвы
 Не могут не прильпнуться,
 Не могут не бежати
 Ко сердцу их достойну,
 Коль нежностью полно.
 Которо если стоит
 Принять дражайшей в жертву,
 И само то собою
 Ей емлемо бывает.

17.

В глаза нам все являет
 Быстротекуще время,
 Которого стремленье
 Подобится рекам.
 Рекам быстротекущим,
 Которых три сложились
 В едино устье мчатся.
 И быстротой вдруг наглой
 Клубясь, как протекают
 В волношумяще море.
 Их хладные потоки,
 В струях когда катятся,
 Назад не возвратятся.
 И в вечность так, как в море,
 Крылатое тож время

Полет свой управляет.
Нам все собой здесь кажется,
Но все, с собой что кажется,
Обратно и уносит,
Назад не представляя.
В единый миг уносит!
Иное хоть дарует,
Но мы принять не смеем...

Как тщетно где при бреге
Волной приураженный
Лидисс стоит недвижим,
А море в дань выносит
К его ногам вдруг перло,
Цены безмерной перло!
Достойно быть к нарядам
Единых лишь царик.
Объятый робостью
И радостью он Креза,
Схватить его не смеет.
Меж тем, с песком скатившись,
Вдруг перло отплывает...

Подобно так и случай
К любви дорогу кажется,
Но онный упускаем.
Жалеть об том нам должно!
Жалеть минут сих вечно,
Которы пробегают,
Не дав забав нам сладких!
Почто ж мы их теряем
От робости единой
И грубых предассудков?

18.

Согласна будь, драгая,
Сказать со мной к прекрасным,
А мне хоть втай, драгая,
Скажи сии реченья:
"Твоими я устами,
"Твоим и жаром дышу!..
Теперь скажи к прекрасным,
Я что скажу к прекрасным:
"Прекрасные, оставьте,
"Оставьте злу надменность,
"Котора нас снесает,
"А к вам дарит постылость.

”К чему сурова грубость,
”Иль лучше щекотливость,
”Над сердцем вашим нежным
”К чему в вас обладает?
”Спознать свои доброты,
”Чего мы в жизни стоим,
”Не всякому ль врожденно?
”Вкусить в свой век забавы,
”В свои молодые лета
”Имея вкус... заразы,
”Не всякому ль прелестно?
”Подобны ль мысли ваши
”Сему прелестну цвету,
”Вы коему подобны?
”В вас розе есть подобны,
”Но роза розы краше
”Другая быть может...
”Но розы меж цветами
”Прекрасней быть не может!..
Когда к прекрасной розе
Зефиром подпадают,
Неволей подпадают.
Зря розу, мысли тают
И к музам взлетают...
”Возможно ль тем гордиться,
”Чтоб и за то сердиться,
”Что чувства в нас столь нежны,
”Как в вас подобно нежны ж?
”Малейше осязанье,
”Подобное Зефиру,
”Тишайшим дуновеньем
”От сердца чиста, нежна
”Когда до вас коснется,
”И то вас озлобляет?..
Спроси их, дарагая,
Почто их то смущает?
Какой надменной бурей
Сии красы тигрейши
Бывают вдруг взмятенны,
Когда они вменяют
В нас к ним почтенье страстью?
Приемлют вдруг в досаду
И бегают как линксы
В следах ища добычи,
Имея остры взоры,
Каких другие звери
Подобно взорам линксов

В природе не имеют.
Но оные, напротив,
Имея быстры взоры,
Подобно львам и тиграм
В чутье несовершенны.
Плоды, достойны вкуса,
Во горечь претворяют!
Мечты, достойны смеха,
Собою б надругаться!
И то, о чем бы должно
В грудь с нежностью вмещати,
Являясь вдруг с смущеньем,
Ко ближним возвещают!
Но оно в них и кажет
Дороги лишь к обманам.
Вспевати б Филомелой,
Вспевают гласом Киры...
К своим сестрам дражайшим
Потребно возвещати
Тереев дерзновенье:
"Возможно ль повредить
"Чистейшим осязаньем
"Листок прекрасной розы?
"Удобно ль подклонити
"Так малым осязаньем
"Нежнейший оной стебель,
"На коем процветает
"Любви достойна роза?
"Сей стебель, толико гордый,
"Крепясь лозой колючей,
"И сам собой он может
"От ветров защищаться...
 Воспой им, дарагая,
Ты гласом Филомелы:
"О, милые Арахны,
"Взгордясь пред мастерицей,
"Сплетайте вы лишь сети,
"Чтоб после мух ловити!

19.

Любовник оживленный
Лучем тех глаз прелестных,
Которыми он прежде
Влачим был и сгораем,
Прельщающую ими,

Его прельстиву видя
Внезапно пред собою,
Прельстивую вдруг видя,
К любви ему сладчайшей
Надежду подающу,
И зря, что той внимаем,
Которой в нем надежда
Всечасно разрушалась,
Хоть тем и оживлен вдруг,
Но сердце, растравленно
Тех глаз, ему дражайших,
Игрой, его палящей,
К любезной увереньям
Не сможет отвечать.
Трепещущ, он весь млеет,
Но ей он все прошает.
Трепещет и коснеет,
Трепещет и не смеет
Вдруг трепет свой спознати,
Которым вдруг объято
Его драгое сердце.
И кажется, и сам он
В себе об нем скрывает.
Прекрасную он видит,
Любезной глас он слышит,—
К ней уст не отверзает,
Спознать себя не может!

Толико исступают
Влюбленны с сердцем нежным
От слов сладчайших звука,
От радости толикой,
Когда из уст драгия,
Еротом изводимы
В слух слышат уверенья.
Толико ощущают
Сих сладостных речений
В устах прелестных силу!
Вздыхнув... и к ней лишь вздохом
Единым отвечают.
Любезной поцелуй вдруг
Втай следует тут вскоре.

20.

Подобно Каллиопой,
Любезной дщерью Зевса,
Пресветлой Каллиопой,

Божественною музой,
Счастливейший кто смертный,
Быв ею кто внушаем, —
И был ей кто внушаем
С времен довольно многих
Вспевать дела героев,
Златою как трубою
Под лавром бы гремети
И как, до звезд взлетая,
Со славой бы гремети, —
Всечасно поучаем
Когда сея богиней
В свой век, счастлив сей смертный,
Любимец муз бессмертных!
Быв восхищенный ею,
Бывает оставляем,
На время оставляем.
И как сея богиня,
Пролив к нему в грудь дар свой,
С прелестным и пресладким
Вдруг гласом отступает
И очи умныя
От взоров увлекает,
Помалу их от взоров,
Быть мнится, увлекает,
И обращающаяся
Вспять, бессмертьем дышит, —
Тут зрак ее еще в нем,
Еще вновь огонь рождает...
Дражайшая так точно
Любезна оставляет.
Прельстившая еще в нем
Вновь сердце уязвляет.
И музой как всечасно
Пиит разжен мечтает, —
Так точно и любовник,
Его дражайшей жаром
К отраде воспламененный,
Расставшись с любезной,
Всечасно и повсюду
Лишь только ей мечтает!
Он воздух, коим дышит,
Мнит, ею воспримает.
Дражайшей имена втай
Различны вымышляет.
Владычицей души ту
Беспорно признавает.

”Душа души моей ты! —
Во вздохах восклицает.
Владычице красот ту
Сестрой быть признавает.
Прекрасную сколь кратно
Он в мыслях лобызает?..
Себя и все с собой он,
И все, что есть на свете,
Он ей лишь посвящает.

21.

Расставшись так с любезной,
Любовник восхищенный
Своей драгия пламен,
Которо из прелестных
И сладких уст драгия
Чрез тайный поцелуй вдруг
За тайну воспрял он,
За тайну, коей узел
Любви навек связуют!
Любезной поцелуй втай
Дарим когда драгому,
Дарит тогда драгая
И сердце с поцелуем.
Сей поцелуй, втай данный,
Подобить лъзя бессмертью.
Но в сладости нектара
Конечно превосходит,
Не ложно превосходит!
Его б втай получитьи,
И ввек драгия после
Отнюдь не целовати,
Возможно б согласиться.
Довольно, что открылась
Любви дорога к сердцу.

Подобно как из чаши,
Соделанной Ифестом
Советом Афродиты,
Подобно как из чаши
Прозрачного агата,
Которой дно и верх вкруг,
Вкруг златом обведенны,
Украшенной сапфиром
И в рубинах блестящей,—
Из той бесценной чаши,

Которую бессмертным,
Живущим на Олимпе
Богам, его зарящим,
Рука молодой Гебеи,
Наполнив нектаром,
Подносит пить в прохладу,—
Так точно и дражайша
Чрез сладкий поцелуй свой
Прелестными устами
В уста драгова страстны
В груди ее живуща,
Сего в ней страстна пламя
Часть каплями влиjala.
Еще он к ней стал страстный!
Ее огнем сжигаясь,
С ее свой огонь сугубя,
Сугубясь сам собою,
Владеть собой не может.
Едва он верить может,
Чтоб толь прекрасным сердцем
Возмог он обладати?..
Дражайшей зрак, повсюду
В его очах блистающ,
Его смущенны очи
Лишь паче распялет.
Надеждой сладкою
Свой дух успокояет!
Его очей ольщенных
На свете никакой уж
Пленить предмет не может.
Пленить ничто не в силах.
Не может избежати,
Не может и забыть он
Той сладостных речений,
Ни глаз ее бесценных,
Тех глаз, которы в взорах
Своих всегда он носит.
Драгия в день, ни в ночь тень
От глаз не отступает.

Подобно блеском Феба
Как взор в нас иступает,
Подобно так, как смертный,
Зрев блеск прелестный солнца
В тот час, оно как бег свой
С полудни в ночь склоняет,
Когда златый свой луч к нам
Смиренней показывает,

Но смертный, усладысь им,
Вдруг вежды сожимает,
Хоть вежды и сжимает,
Но и тогда вид красный,
Великолепный солнца
В прохладном пламени
В закрытый взор влетает, —

Любовник так в отсутствии
Любовницей мечтает:
"Когда ж к нам Феб взблистает?
"Когда к нам в пущем жаре,
"Во знак став Льва, взблистает?..

В толиком пламени
Поэт в любви сгорает,
Равнясь Фебу пламенем,
А льву великодушьем.
Дражайшей въявь реченья,
Сколь были б ни мятежны,
Сколь крат во сердце нежном
Злых ран ни растравляли б,
Вменяет все игрою.
Игрой, котора может
Его навек сразити.
Игрой, котора может
Лишь тигров веселити.
Игрой, котора может
И агнца раздражити.
Игру, котору видел,
Игру, котору видит
И кою впредь увидит
Любовник с сердцем нежным,
Любовнице бесценной
Покорен раз ей ставшись,
Охотно отпускает.
Он мнит: она достойна
Играть моей судьбою!..

Любовник с сердцем нежным,
Приняв и уверенье
Из уст дражайшей сладких,
Еще он ей волнуем,
Волнуем так, как бурей,
Не инак размышляет.
Он, в жертву нежной страсти
Свое готовя сердце,
К ней верностию полно,
Ее наполнив сердцем,
Подобно как истоком

Прозрачной Ипокрены
Свой пламень изливает.
Он сердце вдруг с словами,
Вздыхнув, ей посвящает:
"О, очи голубые,
"О, вы, дражайшей очи,
"Почто, столь дав досад ей,
"В ней дух не умертвили?
"Коль тщетно вы и ныне
"К забаве мя взманили,
"В ней дух не исцелили,
"Вы в грудь мне яд вложили!
"В ней дух мой отравили.
"Ликуйте днесь вы, очи,
"Что сердце полонили,
"Что сердце отравили,
"Которо вас столь нежно
"Боготворить умеет.

22.

В любви надежда льстива.
Когда к нам в дни сумрачны
Из влажных облак темных
Юг сильный дождь пускает,
А тем лицо земное
И все на нем цветуще,
И корни под древами
Водами омывает, —
Подобно и надежда,
Живуща в мыслях с нами,
В своем к нам разделенью
Дождя подобна каплям.
Делясь и рассыпаясь
Ежеминутно в мыслях,
Во злых напастях самых
Собой нас облегчает.
Как пахарь, жарким зноем
В трудах своих горящий,
Дождем вдруг окропляем,
Он дух свой тем и мышцы
Живит и прохлаждает, —
Так точно и в любви
Любовников нежнейших
При всех любви ненастьях,
К прекрасным угожденьях

И в самых злых и грубых
Для нас напастях строгих,
При всех ее стенаньях,
Какие б ни встречались
Любовникам нежнейшим,
В стенаньях самых слезных,
Хоть гром в них дух стеснял бы, —
Надежда их к забавам
Бодрит и оживляет.
К преодоленью силы
Несчетных их терзаний,
Взбудив их смысл на помощь,
Божественно скрепляет.

В любви надежда льстива.
В ней подкрепленный смертный
Ее дражайшей силой,
Иль лучше, упоен став
Красы отличной силой,
Подобно так пиит втай
Когда любовь вспевает,
На крыльях он Ерота
Драгия дух и сердце
Мгновенно достигает.
Подобно молний блеску
Он вдруг, вспарив к ней мыслью,
К прекрасной в слух втекает,
В прекрасной дух смягчить весь
Не ложно уповает,
Отважно упоает!
Колелем как тростник в ней,
Весь пламенем сгораем,
То мя, когда смягчится,
Препятств хоть тьмы б в том зрел с ней,
Он все их презирает!

Ужель в любезной сердце
И тем он раздражает,
Когда прекрасную
Всеместно обожает?
Он, зря прекрасную,
Свой дух обворожает
Не красотой единой,
В нем кровь та распалает,
Но действие лишь ума в ней
В нем дух обворожает!
И скромности в драгой он,
И смельству быти чает.
”О, страсть, он восклицает,

”Сладчайшая страсть в жизни!
”Вкушать тебя лишь должно
”Во жизни человекам.
”Вкушать тебя столь нежно
”И чувствовать столь сладко
”Одни лишь только могут
”Прямые человеки!..

Неповрежденной страстью
И я тобой сгораю.
Не камнями драгими
Твоими я прельстился,
Ни же убором стройным,
В котором ты блистаешь.
К тебе здесь все пристало!
В глазах моих ты зришься
Прелестней всех на свете.
Тебя лишь здесь пристойно
Одной подобить искре
Прелестна Люцифера,
Когда он ей восходит,
Предшествуя Авроре,
И гонит с неба звезды.
Когда в беседу входишь,
Когда в собранье вступишь,
Красот тебе подобных,
Твой зрак и ум твой светлый
В минуту унижает.

Хоть стихотворства гласом
Тебе я то внушаю,
О чем внушати должно,
Пренежная Сапфира,
И вымыслом пиитов
Твоим красам небесны
Подобья представляю, —
По мне, взнесенну страстью,
Я мню, к тому быть мало
Мое и вображенье.
Все те подобья малы,
О коих я вещаю.
Все малы предложенья,
Чего мой дух желает,
Чтоб о тебе сказати.
Он больше нечно знает,
Нежель пролити может,
Чего в мой век ты стоишь,
Чего ты в свете стоишь.

Я что сказать желаю,
Об том сама ты знаешь.
И больше знати можешь,
Я нежель здесь вмещаю.
Когда тебя с собою
Среди здесь рош сретаю,
Коль где тебя с собою
Наедине я вижу,
Почтенье я к тебе тут
И больше умножаю.
Безмолствуя, зря прелесть
Твою... истаеваю.

23.

Твоих очей мне стрелы
Вдруг возрождают пламень.
Прийди, драгая нимфа,
Внушись об тех со мною,
Которых огонь тобою
Животворил мой пламень.
Таков был огонь в Овидии!
Сей римлянин столь славный
Пиит отважный в страсти,
Пиит от века первый,
Который в грудь всю сладость
И нежность как любити,
Приосенясь Саффой,
Сей милою гречанкой,
Вкусив ее он лавров,
Со Тибра к нам струями
Обильно проливает.
Главу свою он лавром
Не тщетно покрывает.
Тибулл — его любимец.
Тибулл — любовник страстный,
Вкуситель нежный Делии,
Вкуситель Немезисы,
Горел огнем к ним страстным.
Горел так и Проперций,
Горя к надменной Цинтии,
Впоследствии наслаждался,
Не раз сим наслаждался
Он с ней огнем прелестным,
Однако... наслаждался!
Довольно в жизни славной,

В сей жизни нашей слезной,
Вкусить хоть раз приятность,
Ту, коей мы взалкаем
И коя лишь вмещала б
Всебе драгую цену, —
Бессмертью то подобно!
И Галл со Ликоридой
Вкусил огня приятность.
А к Лесбии — Катулла
Сжигал сей онь безмерно.
Петрарха ль мы забудем,
Его ль мы не вспомняем?
И ты, о, храбрый Цесарь,
Взалкатель Диядимы,
Рушитель хоть законов,
Которым Рима целость
И вольность потрясенна,
И ты с своим любимцем,
Наперсником дебелим,
Сей после, но ты прежде
Горел им к Клеопатре,
Блещающей в короне,
Красящейся порфиroy,
Котора вас обоих
Чрез сей в вас огонь безмерный,
Сама даша им страстно,
Чрез разум с красотою
Блаженными творила.
Довольно вы им тлели!
Довольно вы ей тлели
С Антоном прежде храбрим,
С Антоном прежде нежным,
С Антоном после дерзким
И мерзким вдруг тираном!
Которому в злодействах
Тираны самы б злейши,
Зря кровь им пролитую
Для капли только крови
Священна Цицерона,
Конечно б уступили.
О, нежный в страсти Цесарь,
Июлий важный Цесарь,
Тебе в твоих талантах
Лишь твой преемник светлый,
Преемник твой лишь Август,
Поэзию любящий,
Властитель всей вселенной,

Во всех твоих талантах
И в сем столь нежном пламе
Лишь он сравниться может.
Не жаль сего б мне было,
Любви достойный Цесарь,
Что грудь твоя пронзенна
Бессчетным пораженьем
Всреди огромна зданья,
В той пышной Капитолии,*
Средь тех священных теней
И Брута, и Помпея,
И Ромула всесильна,
За то лишь, поболеть лъзя,
Что ты умел любить!
В подобном пламе страстно
С прекрасною душою,
Любви с дражайшим сердцем,
Сжигаясь Габриеллой,
И Генрик тлел Четвертый,
Фернейскою он музой
Достоин обоженный.

24.

Любовницы дражайши,
Взнесенны вы все в вечность!
Но кем взнеслись вы в вечность? —
Поезией гремящей.
И меньше ль вы вмещенных,
Горящих к нам в созвездьях
Любовниц обоженных,
На Севере возженных
Калисты с Андромедой?
Едина песнь Назона,
Как пел свою Коринну...
Но что я унижаюсь?
Могу ль, не содрагаясь,
Сие вмещать здесь слово,
Вещать сие мне слово,
Чтоб песнь Назона сладка
Могла лишь стать удобной

* Цесарь не в Капитолии, где его положено было истребить, но под 23-мя кинжалов ударами пал к статуе Помпеевой в полном Сенате (Примечание Н. Е. Струйского).

Взнести в бессмертну славу
Ему красу дражайшу?
Тибулл был не Овидий
И не был им Проперций.
Единый вздох Тибуллов
Возмог он страстной Делии
Доставить век бессмертье.
Всреди пусть звезд возблещет
Сея прекрасной имя!
И взблещет пусть мной имя
Прелестной так Сапфиры!

Тобой, о, нежна муза,
Тобой, в красах нетленна,
Ерато дарагая,
Наперсница любви,
Тобой я днесь внушаем,
Днесь пел Еротов пламень,
Любви я пел заразы.
Ты, коя здесь нас в жизни
Подобных мне внушаешь
Любовников пиитов,
Внушаешь, как гласити
Той сладкие забавы
И тех все прелести
Любовниц нас достойных.
Внушаешь, как вспевати,
В них зря красы небесны,
Мы коих обожаем.
И как им в грудь вливати
Любви огня потоки,
Сие все ты внушаешь.
Тобой нам в грудь вмещенну
Со нежностью сладость,
Как ону изливати
Из уст к красам бесценным,
Как ону изливати
И как, их усладяя,
К ним нежно нас вздыхати, —
Со вздохом поучаешь.
То вдруг твоя нам лира,
Твоя золотая лира,
Усыпанна цветами,
Вдруг зрится быть взблестаяй,
Украшенной звездами.
И теми, кои блещут
В короне Ариадны.

Твоя золотая лира,
Чтоб прелесть ублажати,
В тот час лиет в слух звоны
Всех слаще лир парнасских!
Могу ль я меньше мыслить,
Тобой днесь став взнесенный
На верх горы, к потокам,
Где мирты осеняют
Твои цветы любезны?
Могу ль я, их срывая,
Богиня, меньше мыслить?
Могу ль, иначе мыслив,
Дражайшей в слух сказати:
"Сапфира, если внемлешь
"Любви прелестну гласу
"И если огонь Ерота
"В груди своей питаешь...
"Но ты и вся им дышишь
"В твои цветущи лета,
"Колико ты красую
"Сколь разумом сияешь...
"Коль ты сей огонь спознаешь,
"Колико не скрываешь...
"Но ты им и сама мне
"Прелестно отвечаешь,
"Хоть робко отвечаешь,
"Но тем и вкус в любви
"С искусством мне являешь...
Всегда ль к любви склоняют,
Когда кого здесь хвалят?..
В восторге я обратно
В те ж струны ударяю.
Я в пламени всечасно
Те ж речи повторяю:
"Не растравляй страданья!
"Коль мы не ненавидишь,
"Когда себя... ты любишь,
"Вмести в твоём их сердце
"Навеки сокровенно...
Ах, дай мне упованья
И, зная тяжки вздохи,
Смягчив их страстным словом,
Скажи, драгая нимфа,
Скажи, со мной слагаясь,
Что сим безмерным жаром,
Которым я питаю
Тобой мне грудь пронзенну...

”Что сим... бессмертным жаром,
”Но вкупе и пресладким,
”Не всякий страстный смертный,
”Не всякий вспламенится.
”Лишь может тот вспалиться,
”Поэзией кто дышит.

АНАКРЕОНТИЧЕСКИЕ ОДЫ

К САФИРЕ

Не думай, драгоценная,
Чтоб мной забвенно было
Все то, чем мне, драгоценная,
Ты тщилась угождать.
Все дух мой то прельщает
И все одной тобою
Мое веселье множит,
Мое стенанье рушит
И сердце услаждает!
И самы, ах, тропинки,
По коим ты ходила,
По коим ты ступала;
Цветы, которые ходя
Ты по саду срывала;
Цветы и древ листочки,
Ты к коим мимоходом,
Драгоценная, прикасалась;
Иль идучи по тропкам,
С кустов прелестных мелких
Любимы мне цветочки
Сорвав, где подавала;
Где рвал рукой прелестной,
Рукой дражайшей нежной,
Рукой дрожащей слабой
На грудь мне прикрепляла;
Где рево их срывая,
Со мной ты там, драгоценная,
Где робко озиралась...
А там, где меж кусточков
Тропинка пролегает?
По той ты по тропинке
Дойдя со мной, драгоценная,
Где цвет румяный дышит,
Где цвет любезный музам
Сугубей процветает,

Цветя который дышит
Тем сладким дыхновеньем,
Ты коим мне, драгая,
Из уст в уста дыхаешь,
Из уст в уста мне дышишь...
Сей цвет толико нежный,
В садах твоих цветущий,
Во всем подобен цвету
Твоим щекам румяным
В лилеях погруженну...
Сей цвет, твой взор влекущий,
А мой, твоим влекущийся,
Мой взор с твоим тут взором
На цвет сей упали...
Сей цвет как ты, драгая,
Срывати покусилась,
Подобно гибкой лозе
Ты вдруг тут приклонилась.
Двукратно приклонилась,
Плечам моим касалась,
Плечам моим коснувшись,
Коленям прикоснулась.
Зеленый лист как к цвету
И так, как лист где к цвету
Всколеблен прилипает,
Так точно ты, драгая,
Пустив свой взор ко цвету,
Рукой своей прелестной,
Рукой дрожащей мягкой,
Подобно пуху птицы
Венере посвященной,
Подобно пуху птицы
Рукой своей мне нежной
Моим коленям робким
Внезапно ткасалась...
Мои тут члены страстны,
Спознав твой огонь, вложенный
В мои колени гибки,
Мои колени робки
Едва не подломили...
К чему б ни прикасалась,
На что б ты ни глядела,
То все меня прельщает!
Есть ли что любезней в свете,
Как держать перед собою
Цвет Ероту посвященный?
Есть ли что любезней в свете,

Как приять из рук драгия
Цвет Киприде посвященный?
И ее питаться вздором,
И ея питаться духом...
А тобой я цвет сей принял,
От руки твоей как принял,
Я вздохнул... и ты вздохнула.

К РОЗЕ

Пусть в венок вплетет мне розу
Белокурая лишь девка,
Здесь котора лишь подобна
Прелестьми самой Киприде.
Пусть увенчан буду розой,
Розой самой той прекрасной,
Кою стит сама Сапфира
Здесь меж роз царицей розу.
Ей одной хочу быть венчан!
Венчан быть хочу я розой,
Розою из всех прелестной!
Роза, ты в руках прелестней,
Будешь ты еще прелестней,
Будешь ты всех роз нежнее,
Будешь ты всех роз алее...
Ей одной хочу быть венчан!
Венчан быть хочу я розой
От ее руки прелестной.
Роза, я тебя срываю!
Знай, мной, роза, хоть заблекнешь,
Мной пускай ты хоть и свянешь,
Не тужи, что ты мной свянешь,
Ты здесь свяла б и на стебле
И не сорвана б завяла ж.
Ты мной свянешь здесь меж миртов,
На главе замрешь пиита,
Во своем прекрасном виде
Возблеснув лишь паче в свете.
Ты завянешь не от бури,
Не от тех бурливых вихрей,
Кои к нам Борей наносит,
Но от нежна воздыханья,
С коим я тебя срывая
Здесь несу к моей Сапфире,
Чтоб вплела своей рукой,
Над главой моей дыхая,

И украсила б тобою
Мой венок пушиста роза.
В чем ее драгие персты
Бесподобно здесь искусны...
На челе пиита свянешь.

К ВЕНЕРЕ

Спознакомь меня, Киприда,
С прелюбезной сей подружкой,
Коя пляшет и вздыхает,
А рукой как подопрется,
Подает другую розы.
Спознакомь меня, богиня,
Со прелестным сим твореньем,
Коим ты сама мне льстила!
Дай вкусить мне услажденье,
Ты которое вливаешь
Здесь в сердца счастливых смертных,
В те сердца, которы могут
Воспрять твою лишь благодать,
Воспрять богинь здесь нежность.
Сделай мне сие в отраду,
Дай за все мое пыланье,
Коим я палюсь и ныне,
Чтоб глаза ее смежались
Против глаз моих томящих,
Чтобы вскользь не убегали
И не ранили б обратно
Сердце вполне ими страстно,
Кое им навек подвластно!
Чтоб в грудь искры воспримались,
Кои к ней мой взор рождает,
Кои к ней мой вздох пускает!
Чтоб уста ее смежались
Против уст моих смеющих
И чтоб нежно утомлялись,
Со моими втай лобзясь.
Поцелуй драгих коль может
Извлечи от смерти к жизни,
Повлечет из жизни к смерти?
Ах, дыханье б хоть смежалось
В ней с моим дыханьем жарким,
Иль хоть члены б услаждались
Ненарочным осязаньем.
Хоть рука б той заблуждалась

По моим плечам иль перстам,
Хоть нога б ее ступала
По моим ступеням робким,
Хоть моей прочь не бежала б,
Как моя к ней наступает...
Тут душа б ее спознала,
Как душа моя к ней страстна.
Чтоб так кровь ее взгорела,
Как моя, возможно ль мыслить?
Ах, Кифера, ты то знаешь,
Что я чувствовать возможен,
Сколь я чувствовать умею
Все твои благодеянья.
Я любить ли не умею,
Иль почтить любовь дарами?
Из руки твоей бессмертной,
Из руки твоей, богиня,
Брал я некогда и пояс...

К АПОЛЛОНУ

Научи, бог муз, любезну
О полднях ходити к роши
И внимать мои сложенья.
Научи, мой царь парнасский,
Близь долин чтоб тех ходила,
Близь долин тех украшенных,
В те кустарнички приятны,
В коих пеночка всепевает,
В коих зяблик мой порхает,
Соловей где свищет сладко!
Чтоб к местам тем подходила,
Где он куст свой пребегаёт,
С бегом крылашки вздымает;
Где журчит столь нежно, плавко
Где раскаты составляет,
Где веревочки сплетает,
Вдруг сей звон здесь умножает!
Где свой тон приумножает,
Где опять тот унижает,
Где опять вдруг возвышает,
Гласу лирну подражает!
Научи, мой пастырь сладкий,
Чтоб к местам тем подходила,
Где бежит поток мой плавко,
Где струит по камням гладко;

Где я лиру настрою,
Где любезну вображаю,
Где любезну вображаю,
Где я в струны ударяю,
Нежности ее внимая,
Гласу птичек подражая!
Чтоб в кустарники ходила
Близь долин тех орошенных,
К тем пригоркам возвышенным,
Близь ключей прозрачных сладких,
Где я, шума отбегая,
Прелести ее всевая,
И ей дух мой весь питаю!
Научи, мой пастырь страстный,
Ей моей внимать там лире,
Ей внимать твоим уставам;
Повели самой Ерате
Мне драгую обучати,
Чтоб на лире так уграла,
Иль под лиру б мне всевала,
Сладость соловья б являла!
Чтоб на лире так играла,
Как моя днесь пред тобою,
Светлый бог, играет лира.

СТИХИ НА СЕБЯ

Зло присутствие алчной смерти
Не взирает на препоны,
Кои ей готовит смертный,
Вымышляет повсечасно,
Как бы той себя избавить.
Зри присутствие гордой смерти,
Смертный, ты ее уж видишь...
И Кашей ее увидит!
Хоть врачу ты отдаешься,
И врачом ты не спасешься,
Иль не мыслишь откупиться?
Но про то и сам ты знаешь,
Что не можно откупиться.
Хоть врачу ты отдаешься,
И врачом ты не спасешься,
Если сам того не знаешь,
Как от оной откупиться?
Но нельзя ли откупиться?
Попытайся, хоть в последний

Раствори ей все богатство,
Отдавай ей все богатство,
Отдавай до самой крошки.
Но, я вижу, ты стоаешь
И давать и тут жалеешь...
Не заботься, и не возьмет!
Смерть не так, как ты, здесь алчна
И не в том богатство числит,
И не так, как ты, алкая,
Здесь богатство собирает.
Тело лишь твое богатством
Смерть единое лишь числит!
Смрадное твое лишь тело,
Ты которое измучил,
Здесь богатство собирая.
Собирал ты ежечасно
И не так, как смерть, однажды.
Изнурил свое ты тело,
Изнурил свою тем душу,
Беспокойства сколько принял,
Все богатство собирая!
Но начто теперь богатство?
Но начто оно и было?
Ты не мог им обладати,
И оно тобой владело.
В гроб возьми с собой богатство,
Коль жалеешь и при смерти,
Собираешь и пред смертью...
Собирать чаешь и мертвый?
Нет, не будешь собирать!
Самого тебя зла смерть вдруг,
Низложа своей косою,
Вмиг отдаст червям на жертву,
В рост тебя отдаст на жертву...
Ведь она и их ссекает,
Для чего ж об том тужити,
Коль тебя она ссекает?
Черви пользуют нас смертных,
Черви пользуют нас, в жизни
Иссякают нужны соки,
Коими их полны нервы;
Исцеляют глас от гнили,
Изгоняют с глаз туманы.
Их не можно унижати,
А особо пред тобою,
Ты, который только в жизни
Мог себя лишь унижати.

Но они тебя, зная, боле,
Коль гнилым твоим составом
И по смерти обладают?..
Смерть, возьми мое ты тело,
Без боязни уступаю!
Я богатства не имею,
Я богатство, кое было,
Все вложил душе в богатство.
Хоть душа через богатство
И не станется умняе,
Но души моей коснуться,
Смерть, не можешь ты вовеки!

Печатается по изданиям:

Еротоиды. СПб., типография Академии наук, 1788. 84 с.
Сочинения Николая Струйского. Часть первая. СПб., типография И. Шнора, 1790. 350 с.

Того же автора:

Апология к потомству или начертание о свойстве нрава А.П. Сумарокова и о нравоучительных его поучениях. СПб., типография Академии наук, 1788. 37 с.

Литература

Долгорукий И.М. Капище моего сердца или словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М., приложение к журналу "Русский архив", 1890.

Бобров Е.А. Семейная хроника Струйских в связи с биографией поэта А.И. Полежаева. – "Русская старина", 1903, №№ 8–9.

Обольянинов Н. Краткая библиография сочинений Н.Е. Струйского. М., 1914.

Сушкова Е.М. Усадьба Струйских Рузаевка. – "Столица и усадьба", 1915, №№ 38–39.

Сахарова И.М. Н.Е. Струйский и его связи с Ф.С. Рокотовым. – "Очерки по русскому и советскому искусству". Л., 1962.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Александр Морозов. ИЗ ТЬМЫ БЫЛОГО</i>	3
ЕРОТОИДЫ	5
Анакреонтические оды	
К САПФИРЕ	40
К РОЗЕ	42
К ВЕНЕРЕ	43
К АПОЛЛОНУ	44
СТИХИ НА СЕБЯ	45

Николай Еремеевич Струйский

/1749 – 1796/

ЕРОТОИДЫ. Анакреонтические оды

Составитель А.Г. Морозов

Редактор А.Л. Лейкин. Художник В.П. Низов. Технический редактор Е.И. Макарова. Корректор Л.Е. Данильцев. Сдано в набор 12.03.90. Подписано к печати 14.05.90. Формат 60 x 84/16. Бумага офсетная. Усл.печ.л. 2,5. Тираж 2000 экз. Заказ 108к. Цена 2 руб. Л.

Издательство "Прометей" МГПИ им. В.И. Ленина. Ассоциация "Неизвестная Россия". 119048, Москва, ул. Усачева, 64. "Петит". Производственно-издательский комбинат ЦНИИТЭИ.

